

АНДРЕЙ ЛЕСНОЙ

МИРОВОЙ ПОРЯДОК ТРАМПА



Андрей Лесной

МИРОВОЙ ПОРЯДОК ТРАМПА

«Автор»

2026

Лесной А.

МИРОВОЙ ПОРЯДОК ТРАМПА / А. Лесной — «Автор», 2026

Американский президент обещает вернуть стране величие, требует от союзников платить больше и одновременно ведёт войну вдали от американских берегов. Его противники видят в этом хаос. Сторонники — силу. Эта книга начинается с войны вокруг Ирана и приводит к гораздо более широкому вопросу. Кто распоряжается будущим: тот, у кого больше денег, тот, кто производит необходимые вещи, или тот, кто способен выдержать разрушение привычных связей? Ормузский пролив, североамериканская нефть, азиатские заводы, европейская промышленность, русский Север и вычислительные центры оказываются частями одной истории. Автор исследует логику Трампа, пределы ресурсного могущества и российскую идею Третьего Рима. У каждой версии есть сильные аргументы и опасные слепые пятна. Главная интрига — сможет ли кто-нибудь управлять потрясением, которое сам помог вызвать.

© Лесной А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	6
От автора	7
Оглавление	8
Оглавление · продолжение	9
Ночь, когда карта стала важнее речи	10
1. Обещание, которое стало обязательством	12
2. Дешёвая вещь и дорогой город	13
3. Доллар не живёт в нефтяной скважине	15
4. Биржа обещаний	17
5. Когда союзнику выставляют новый счёт	19
6. Европа между счётом и страхом	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Андрей Лесной МИРОВОЙ ПОРЯДОК ТРАМПА

АНДРЕЙ ЛЕСНОЙ
МИРОВОЙ

ПОРЯДОК

ТРАМПА

Почему борьба за нефть, хлеб

и технологии меняет правила

большой игры

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Аннотация

Американский президент обещает вернуть стране величие, требует от союзников платить больше и одновременно ведёт войну вдали от американских берегов. Его противники видят в этом хаос. Сторонники — силу. Но что, если за противоречиями проступает более серьёзный поворот: от государства, которое обеспечивает работу мировой системы, к государству, которое продаёт остальному миру доступ к безопасности, ресурсам и технологиям?

Эта книга начинается с войны вокруг Ирана и приводит к гораздо более широкому вопросу. Кто распоряжается будущим: тот, у кого больше денег, тот, кто производит необходимые вещи, или тот, кто способен выдержать разрушение привычных связей? Ормузский пролив, североамериканская нефть, азиатские заводы, европейская промышленность, русский Север и вычислительные центры оказываются частями одной истории.

Автор исследует логику Трампа, пределы ресурсного могущества и российскую идею Третьего Рима. У каждой версии есть сильные аргументы и опасные слепые пятна. Главная интрига — сможет ли кто-нибудь управлять потрясением, которое сам помог вызвать.

От автора

Россия меняется не в пустоте. Её возможности зависят от того, что происходит с Америкой, Китаем, Европой и мировым рынком.

Новая отправная точка — события весны 2026 года и спор о политике Дональда Трампа. Выступления и прогнозы тех недель рассматриваются как материал для анализа стратегического поворота, а не как сводка сегодняшнего дня.

В книге различаются документированные заявления, авторская интерпретация и сценарии. Предположение о сознательном разрушении мировой экономики Вашингтоном обсуждается как спорная версия. Уверенность рассказчика не заменяет доказательств.

Оглавление

Ночь, когда карта стала важнее речи 6

Часть I. Счёт за прежний мир

1. Обещание, которое стало обязательством 9

2. Дешёвая вещь и дорогой город 11

3. Доллар не живёт в нефтяной скважине 13

4. Биржа обещаний 16

5. Когда союзнику выставляют новый счёт 19

6. Европа между счётом и страхом 21

Часть II. Война проходит через ваш дом

7. Пролив, который нельзя заменить приказом 24

8. Как дорожает хлеб, когда дорожает война 26

9. У цифрового будущего есть материальный адрес 28

10. Серебро и цена обещания 31

11. Чужая беда и собственная прибыль 33

12. Цена слова «неизбежно» 35

Оглавление · продолжение

Часть III. Американский остров

- 13. Континент за двумя океанами 38
- 14. Нефть на карте и нефть в трубе 40
- 15. Технат и его избиратели 43
- 16. Крепость, которой нужен внешний мир 45
- 17. Победа на экране 48

Часть IV. С нами Бог

- 18. Слепое пятно 50
- 19. Общий колодец 52
- 20. Четвёртому не бывать 54
- 21. Страна, которая возвращается 56
- 22. Хлеб, лёд и вода 58
- 23. Большинство планеты и китайская развилка 61
- 24. Век Третьего Рима начинается во дворе 63

Часть V. Будущее без готового сценария

- 25. Три мира после кризиса 66
- 26. Как отличить стратегию от оправдания 68
- 27. Человек между державами 70
- Последнее испытание 73
- Что подтверждено и что остаётся версией 75
- Документы и материалы 79

ПРОЛОГ

Ночь, когда карта стала важнее речи

Первого апреля 2026 года Дональд Трамп обратился к американцам по поводу операции против Ирана. Президент говорил о близости поставленных целей и одновременно обещал новые сильные удары. В опубликованном Белым домом изложении выступления была и угроза вернуть противника в каменный век. Сама эта угроза подтверждает характер риторики; она не доказывает ни победу, ни поражение американской армии. [1]

Но за военными формулировками слышался другой вопрос. Если всё идёт к завершению, почему мир должен готовиться к дальнейшему потрясению? Если задача ограничена, почему последствия расходятся далеко за пределы района боевых действий? И если Америка хочет стать сильнее, зачем ей расшатывать систему, в центре которой она находится?

Обычно на такой вопрос отвечают характером президента. Он импульсивен. Он любит давление. Он понимает политику как торг. Всё это может объяснить отдельное заявление. Гораздо труднее объяснить таким образом несколько процессов одновременно: спор с союзниками о расходах, возвращение промышленной политики, усиленное внимание к Западнему полушарию и превращение энергетического экспорта в инструмент влияния.

Представим три кабинета. Это условные сцены, а не репортаж о конкретных людях. В первом руководитель европейского химического предприятия смотрит на стоимость газа и решает, стоит ли запускать следующую производственную линию. Во втором азиатский судовладелец сравнивает риск прохода через пролив с ценой простоя. В третьем американский инвестор обсуждает расширение экспортного терминала. Они не принимают решения о войне. Но решения о войне уже меняют их будущее.

В новостях все трое видят одну и ту же карту. Для каждого она означает разное. Один теряет преимущество, другой пытается сохранить работу, третий замечает спрос. Международный кризис не распределяет ущерб равномерно. Он переносит доходы, инвестиции и возможности между странами. Иногда государство, допустившее серьёзную политическую ошибку, всё же получает отдельную экономическую выгоду. Иногда страна, формально избежавшая войны, расплачивается за неё сильнее непосредственного участника.

На этом наблюдении строится соблазнительная версия: возможно, хаос и есть план. Вашингтон будто бы перестаёт защищать общую систему и заставляет мир покупать у него средства выживания. Ресурсная Америка под защитой двух океанов превращается в крепость, а зависимые от импорта экономики становятся её клиентами.

У этой версии есть достоинство. Она заставляет смотреть за пределы ежедневного счёта попаданий и перехватов. Есть и серьёзный порок: любое событие можно объявить частью замысла. Если операция успешна, это победа стратегии. Если проваливается — значит, провал был задуман. Такая теория перестаёт встречаться с реальностью, потому что заранее умеет оправдать любой исход.

Я предлагаю более трудный путь. Проследим, как на самом деле устроены потоки нефти, денег, продовольствия, технологий и доверия. Посмотрим, где Америка способна заменить прежние связи, где ей нужны партнёры и где угроза разрушить порядок начинает разрушать её собственные преимущества. Затем повернём карту и зададим те же вопросы России.

Возможно, главное событие эпохи заключается не в появлении одного тайного плана. Возможно, несколько крупных держав одновременно решили, что прежние гарантии ненадёжны, и начали перестраивать мир под собственную безопасность. Каждая считает свои действия защитой. Вместе они создают среду, в которой всем становится опаснее.

Так начинается история мирового порядка Трампа. Не с ответа о том, гений он или безумец, а с вопроса о том, что остаётся от мирового порядка, когда его главный гарант начинает пересматривать условия договора.

ЧАСТЬ I. СЧЁТ ЗА ПРЕЖНИЙ МИР

1. Обещание, которое стало обязательством

Одиннадцатого сентября 1990 года Джордж Буш — старший выступил перед Конгрессом на фоне кризиса в Персидском заливе. Именно к этой дате относится знаменитая речь о новом мировом порядке, а не к сентябрю 1991 года. В ней речь шла о международном сотрудничестве, противодействии агрессии и более сильной роли общего права после холодной войны. Приписывать этому выступлению готовый план уничтожения границ, религий и промышленности было бы исторической подменой. [2]

Однако между обещанием и работающей системой всегда лежит история. Соединённые Штаты вступили в новый период с огромными преимуществами: масштабной экономикой, военной инфраструктурой, финансовыми рынками и сетью партнёров. Когда исчезает равный соперник, собственный способ организации мира легко принять за естественный ход вещей. То, что вчера было политической программой, начинает выглядеть здравым смыслом.

В таком мире государству предлагают не столько победить соседа, сколько найти место в общей цепочке. Один добывает сырьё, другой производит детали, третий собирает готовое изделие, четвёртый выдаёт кредит и страхует перевозку. На бумаге каждый занимается тем, что у него получается лучше. Покупатель получает более дешёвую вещь, производитель — большой рынок, инвестор — более высокую доходность.

Выгоды этой организации были реальными. Было бы нечестно изображать десятилетия международной торговли одним лишь обманом. Люди получали доступ к товарам и знаниям, предприятия — к оборудованию и заказчикам. Но вместе с эффективностью росла зависимость. Иногда она оказывалась незаметной именно потому, что система долго работала хорошо.

Завод мог перестать держать запас деталей: поставщик привезёт вовремя. Страна могла не строить дополнительную электростанцию: энергию выгоднее купить. Правительство могло откладывать неприятные решения: кредиторы пока готовы финансировать дефицит. Каждое действие выглядело разумным внутри устойчивой среды. Если же сама среда менялась, совокупность разумных решений превращалась в общую уязвимость.

Представим город, который ради экономии оставил один мост через реку. В обычное время это удачное решение: меньше расходов, проще обслуживание. После повреждения моста выясняется, что сэкономили не на лишнем сооружении, а на запасном выходе. Глобальная экономика во многих местах пошла по сходному пути. Она научилась уменьшать стоимость повседневной работы и не всегда учитывала стоимость редкого, но большого сбоя.

Для Америки этот порядок означал не только преимущества, но и ожидания. От неё ждали открытого рынка, доступной валюты, военной поддержки, участия в урегулировании кризисов. Далеко не все эти ожидания были оформлены договором. Некоторые существовали как политическая привычка: когда возникала большая проблема, в конце концов смотрели на Вашингтон.

Привычка постепенно становится обязательством. Если помощь приходит много раз подряд, её перестают воспринимать как выбор. И однажды государство, привыкшее решать, замечает, что от него уже требуют.

В этом и заключён исходный конфликт трампизма. Америка считает себя владельцем системы, но всё чаще ощущает себя её обслуживающим персоналом. Союзники считают себя участниками общего дела, но слышат, что слишком дёшево пользуются американскими возможностями. Обе стороны могут приводить убедительные примеры. Спор идёт не об одном счёте. Он идёт о том, кто имеет право устанавливать цену принадлежности к порядку.

2. Дешёвая вещь и дорогой город

Разговор о деиндустриализации часто начинается с большой статистики и слишком быстро превращается в мораль. Будто одна нация разучилась работать, а другая стала трудолюбивой. Такое объяснение эффектно, но почти ничего не объясняет. Производство перемещают решения компаний, стоимость капитала, торговые правила, доступ к кадрам и технологиям. Люди приспосабливаются к тому, как устроены стимулы.

Представим предприятие, которое выпускает бытовую технику. Его руководству предлагают перенести часть сборки туда, где ниже издержки. Для компании это может означать выживание в конкурентной борьбе. Для покупателя — меньшую цену. Для акционера — доход. Для города, где закрывают цех, расчёт выглядит иначе. Он теряет не только рабочие места. Сокращаются заказы перевозчику, выручка кафе, доходы местного бюджета, возможности профессионального училища.

В бухгалтерской отчётности компании этих потерь может не быть. Они возникают за пределами её юридических границ. Но для жителей границы компании не совпадают с границами жизни. Если семья вынуждена уезжать, ей мало помогает объяснение, что национальная экономика в целом выиграла от более эффективного распределения ресурсов.

Так возникает политический разрыв между потребителем и гражданином. Как потребитель человек рад дешёвой покупке. Как гражданин он хочет, чтобы рядом была работа, школа и понятное будущее. Международная торговля способна улучшать первое, одновременно осложняя второе в отдельных местах. Без политики перераспределения и обновления регионов противоречие накапливается.

Сторонник свободной торговли скажет: закрывшееся производство следует заменить более современным. В принципе он прав. Но между закрытием старого цеха и появлением новой отрасли могут лежать годы. Переучивание требует денег, здоровья, времени и возможности переехать. Когда экономисты говорят о мобильности труда, за их формулой стоит человек, которому нужно продать квартиру и объяснить детям, почему они меняют школу.

Трампа обращается именно к этому опыту. Его политическая сила не сводится к тарифу или лозунгу. Он возвращает в публичный разговор вопрос, который в победной версии глобализации часто звучал неудобно: кому принадлежит выигрыш от эффективности и кто оплачивает переход?

Однако обещание вернуть завод не решает проблему автоматически. Современное предприятие может выпускать гораздо больше продукции с меньшим числом работников. Дорогой протекционизм способен защитить не инновацию, а неэффективного производителя. Пошлина на деталь иногда помогает её местному изготовителю и одновременно ухудшает положение завода, который использует эту деталь в готовом изделии.

Здесь обнаруживается первое испытание нового порядка. Если цель — восстановить благополучие общества, недостаточно поднять стоимость импорта. Нужны инженерные школы, доступное электричество, дороги, разрешения на строительство и возможность для небольших компаний расти рядом с крупными. Государственная граница может изменить цену товара. Она не создаёт квалифицированного сварщика одним указом.

Поэтому главная конкуренция идёт между двумя обещаниями. Одно говорит: мы защитим вас от внешнего рынка. Другое: мы дадим вам способность работать в мире, где конкуренция никуда не исчезнет. Первое звучит быстрее. Второе приносит результат медленнее и требует больше дисциплины.

Интерес к политике Трампа начинается там, где эти обещания сталкиваются. Он умеет сделать закрытый завод национальным символом. Но затем символу придётся стать действующим предприятием. И у проходной не поможет вопрос, насколько громко президент спорил

с иностранными лидерами. Рабочего будут интересовать смена, зарплата и устойчивость следующего заказа.

3. Доллар не живёт в нефтяной скважине

В политических дискуссиях доллару часто назначают одну-единственную опору — нефть. Кажется, стоит крупным экспортёрам перейти на другую валюту, и вся конструкция исчезнет. Такая картина удобна своей простотой. В ней есть понятная кнопка, после нажатия которой заканчивается американское могущество.

На деле международная валюта выполняет несколько функций. В ней назначают цены, проводят расчёты, выдают кредиты, хранят резервы и оценивают обеспечение. Эти функции связаны, но не тождественны. Контракт можно оплатить в одной валюте, занять деньги для его исполнения в другой и застраховать риск через рынок, работающий в третьей.

По обзору Федеральной резервной системы, опубликованному в июле 2025 года, доля доллара в раскрытых мировых валютных резервах за 2024 год составляла 58 процентов. Авторы связывали его положение с размером экономики, глубиной финансовых рынков и институциональными условиями. По их данным, после 2022 года не наблюдалось резкого общего ухода из долларовых резервов. Это не гарантия будущей устойчивости, но существенное возражение против рассказа об уже состоявшемся крушении. [3]

Дальше начинается мой вывод из устройства этой системы. Покупателю большой партии оборудования мало выбрать удобные денежные знаки. Ему нужны банки, готовые кредитовать сделку, рынок страхования и возможность быстро купить или продать валюту в крупном объёме. Международная роль денег растёт из привычки миллионов участников доверять одной инфраструктуре. Сменить её труднее, чем заменить обозначение цены в одном контракте.

Это не делает доллар вечным. Привычка может ослабевать, если её поддержание становится слишком дорогим или политически опасным. Замораживание резервов, санкционные риски и неопределённость правил дают странам повод строить запасные каналы. Но запасной канал не всегда заменяет основную дорогу. Иногда он позволяет торговаться об условиях проезда.

Столь же неверно представление, что поставки американской нефти автоматически решают проблему федерального долга. Покупатель платит за груз экспортёру. Чтобы эти деньги превратились в спрос на государственные облигации, требуется другая сделка и другой участник. Валютная выручка нефтяной компании и способность бюджета обслуживать обязательства связаны через экономику, но не совпадают.

Представим государство, которое всё больше зарабатывает на экспорте энергии и одновременно тратит ещё больше на войну и внутренние программы. Доходы растут, долговая нагрузка тоже может расти. Сам факт востребованности нефти не отменяет арифметику расходов, процентов и налогов. Иностраный импортёр, испытывающий нехватку валюты из-за дорогого топлива, может даже продавать часть резервов, чтобы оплатить необходимые поставки.

Поэтому рискованно объявлять государственный долг финансовой пирамидой только из-за его размера. Государство собирает налоги и обладает институтами денежной политики; это не частная мошенническая схема. Но столь же рискованно делать вид, что крупный долг не имеет цены. Пространство выбора сужается, когда обслуживание прошлых обязательств конкурирует с расходами на будущее.

Для Трампа здесь возникает непростая задача. Он хочет уменьшить некоторые международные обязанности Америки, сохранив преимущества её центрального положения. Но доверие нельзя включать и выключать отдельно от поведения. Если партнёры начинают считать каждое правило временным, они готовы платить за альтернативы, которые вчера казались им слишком дорогими.

Американское могущество держится не на одной нефтяной трубе. Именно поэтому его трудно разрушить одним решением. И именно поэтому его нельзя надёжно укрепить одним энергетическим преимуществом.

4. Биржа обещаний

У ресурсного государства есть очевидная слабость: цена его главного товара может упасть. У технологической сверхдержавы зависимость менее заметна. Она продаёт не только работающий продукт, но и ожидание огромного будущего дохода. Пока ожидание убедительно, деньги приходят раньше прибыли. Когда уверенность ослабевает, приходится доказывать, что за обещанием стоит хозяйственный результат.

Во второй видеобеседе, ставшей материалом этой книги, американская экономика описывается как система пузырей: искусственный интеллект, товарные деривативы, криптовалюты. У такой критики есть содержательное ядро. Но фраза «почти весь ВВП создаётся инвестициями в ИИ» смешивает размер экономики и вклад отдельной отрасли в её прирост.

Представим хозяйство, которое за год увеличило выпуск на сто условных единиц. Если сорок из них связаны с одной новой отраслью, эта отрасль дала большую часть дополнительного движения. Это не значит, что она производит сорок процентов всех товаров и услуг страны. Кроме того, стоимость приобретённого импортного оборудования нельзя целиком считать внутренним производством.

Именно на важность импортной составляющей указывают Луиза Карпинелли, Филиппо Натоли и Марко Табога в исследовательской работе января 2026 года. Они рассматривают сильный импульс спросу от вложений в ИТ и ИИ, но отмечают меньший вклад в рост ВВП после учёта ввоза оборудования. Это препринт с аналитическими оценками, а не окончательный статистический приговор отрасли. [24]

Проект Stargate тоже требует точного языка. В январе 2025 года его организаторы объявили намерение вложить 500 миллиардов долларов за четыре года в американскую инфраструктуру ИИ. В первоначальном сообщении перечислены корпоративные инвесторы и распределение ответственности. Из этого не следует, что Конгресс уже выделил такую сумму из бюджета или что весь заявленный объём был немедленно потрачен. Обещание инвестиций, полученное финансирование и оплаченная стройка — разные стадии. [25]

Теперь представим вычислительный центр, построенный в ожидании быстрого роста заказов. Если загрузка оказывается ниже расчётной, расходы на оборудование, электричество и обслуживание никуда не исчезают. Инвестор может потерять деньги даже при том, что сама технология полезна. Хорошее изобретение и хорошая цена актива — не одно и то же.

Возможен и обратный риск: технология приносит доход, но распределение результатов усиливает социальное напряжение. Одни получают высокую прибыль, другие теряют привычную работу. Значит, спор об ИИ нельзя решить выбором между «бесполезная игрушка» и «неизбежное процветание». Требуется отдельно оценивать производительность, прибыльность вложений и положение работников.

Федеральная резервная система в ноябрьском отчёте 2025 года отмечала высокие оценки активов, а среди рисков, называемых участниками опроса, — резкое падение цен при изменении отношения к ИИ. Одновременно общий банковский сектор характеризовался как устойчивый. Это описание уязвимостей, а не заключение о неизбежном крахе всей экономики. [26]

Концентрация капитала может усиливать зависимость рынка от нескольких компаний. Но крупный участник не получает способности бесконечно отменять расходы, конкуренцию и требования кредиторов. Его масштаб иногда позволяет дольше ждать результата, а иногда делает ошибку опаснее для всех остальных.

Криптовалюты добавляют ещё один канал риска, если рост цены поддерживается заёмными средствами и взаимными обязательствами. Для оценки последствий важнее выяснить, кто кому должен и какое обеспечение принято, чем ограничиться словом «спекуляция». Падение отдельного актива становится общим кризисом через связи между балансами.

Центральный банк способен поддерживать ликвидность, но не может печатным решением создать реальную производительность. Между финансовым потрясением и гражданской войной, однако, нет автоматического перехода. Такой политический исход требует отдельного анализа институтов, поведения элит и общества. Катастрофическая развязка не заменяет объяснения механизма.

Америка остаётся сильной не потому, что ей запрещено ошибаться. Вопрос в том, сможет ли она исправить инвестиционную ошибку, не переложив всю её цену на тех, кто не участвовал в выборе. Здесь разговор о будущем ИИИ возвращается к старому вопросу о справедливости общественного договора.

5. Когда союзнику выставляют новый счёт

У любого союза есть видимая и невидимая цена. Видимая выражается в бюджетах, закупках и военных объектах. Невидимая — в готовности поддержать партнёра, даже когда конкретный спор не выглядит выгодным. Если считать только первую, союз напоминает неудачный коммерческий контракт. Если помнить только вторую, легко начать пользоваться чужой лояльностью без меры.

В стратегии национальной безопасности США, датированной ноябрём 2025 года, прямо сформулирован пересмотр международной нагрузки и приоритет собственных интересов. Документ связывает безопасность с промышленностью, энергетикой и устойчивыми поставками. При этом он рассматривает финансовое и технологическое лидерство как американские преимущества. Поэтому буквальная версия «Трамп решил уничтожить финансы ради сырья» не соответствует даже заявленной официальной конструкции. [4]

Документ важен не как обещание, которое непременно исполнят. Он показывает язык, на котором администрация описывает свои задачи. Отказ нести прежнюю нагрузку и отказ от влияния — разные вещи. Вашингтон может требовать, чтобы союзники платили больше, сохраняя право определять общую повестку. Именно это сочетание делает спор болезненным.

Для европейского правительства повышение военных расходов означает конкуренцию с другими обязательствами. Но из этого не следует, что европейское благосостояние целиком оплачено Америкой. У европейских стран собственные налоговые системы, промышленность и политический выбор. Преувеличение американского вклада превращает предметный разговор о распределении расходов в спор о национальном достоинстве.

У американского избирателя, в свою очередь, есть законный вопрос: почему часть внешних обязательств должна сохраняться в прежнем виде, если внутренние проблемы становятся острее? Нельзя ответить ему только ссылкой на традицию. Любой устойчивый союз должен уметь объяснять взаимную пользу новым поколениям.

Представим владельца большого дома, который много лет ремонтировал общую дорогу. Соседи привыкли, что проезд открыт. Однажды он предлагает разделить расходы. Это нормальный разговор. Но если одновременно угрожает отобрать у соседа участок, спор перестаёт быть бухгалтерским. Даже разумное требование теперь слышится как часть давления.

Так работает связность внешней политики. Нельзя полностью отделить разговор о военном бюджете от разговора о территории, пошлинах или доступе к технологиям. Партнёр оценивает общий риск отношений. Чем чаще безопасность превращается в средство торга, тем сильнее желание иметь дополнительную страховку.

И всё же союзники не обязательно уйдут. Альтернативы могут быть дороже, слабее или ещё менее предсказуемыми. Иногда жёсткое давление действительно вынуждает их увеличить расходы и принять новые правила. В краткосрочном отчёте это выглядит успехом. Долгосрочная цена проявляется позже, когда партнёр создаёт возможности обходиться без покровителя.

Здесь лежит одна из центральных развилок книги. Трамп может обновить союз, добившись более равного участия. Может превратить его в систему зависимости, где доверия меньше, а принуждения больше. И может переоценить готовность партнёров терпеть неопределённость.

Чтобы понять, какой вариант сильнее, недостаточно читать итоговое коммюнике саммита. Нужно смотреть, где строят заводы, кому заказывают оружие, как прокладывают кабели и терминалы. Союз сохраняется в речах, но меняется в инфраструктуре. Иногда именно новый порт рассказывает о будущем больше, чем совместная фотография лидеров.

6. Европа между счётом и страхом

Европе в двух рассматриваемых лекциях отведена почти одинаковая роль: пространство, которое теряет дешёвую энергию, платит за чужую стратегию и не умеет признать собственную ошибку. В этом образе есть реальные вопросы. Но если заранее объявить Европу лишённой воли, мы перестанем понимать её действия.

Государства европейского континента по-разному воспринимают угрозы. Для одних главная опасность — ненадёжность американской поддержки. Для других — военное давление России. Для третьих — экономическое отставание и внутренние конфликты. Эти страхи могут сочетаться в одной стране, заставляя правительство принимать дорогие и противоречивые решения.

В декларации саммита НАТО в Гааге в июне 2025 года был принят ориентир совокупных расходов на оборону и связанные с безопасностью направления в размере пяти процентов ВВП к 2035 году. Внутри него отдельно выделены основные оборонные потребности и более широкие задачи устойчивости. Это политическое обязательство на будущее, а не отчёт о том, что все участники уже достигли заявленной величины. [27]

Отсюда возникает трудный внутренний спор. Если больше средств направляется на оборону, кто финансирует прирост? Налоги, долг, сокращение других расходов или рост экономики? Какие предприятия получают заказы? Остаются ли новые компетенции внутри Европы? Может ли общество проверить результат вложений?

Нельзя заранее считать любой военный расход бессмысленным. Нельзя и объявлять всякий расход полезным лишь потому, что он назван оборонным. Безопасность является общественным благом, но это не освобождает конкретный заказ от проверки стоимости и необходимости.

Самый опасный механизм здесь — взаимное прочтение защитных действий как подготовки нападения. Одна сторона увеличивает возможности, чтобы противник не решился на удар. Другая видит угрозу и отвечает собственным усилением. Каждая рассчитывает снизить риск для себя; вместе они могут повысить риск столкновения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.